

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-6-22>

УДК 316.4

Attribution

cc by

СОВРЕМЕННАЯ СТРУКТУРА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ ПОЛЯРНОСТИ

Тужба Э.Н.¹, Чунихина Т.Н.²

Кубанский государственный технологический университет^{1,2},

emirtu@yandex.ru¹, tanithbook77@mail.ru²

Аннотация. В статье рассматриваются основные подходы и идеи к анализу современной системы международных отношений. Выявлено, что ни одна из них не способна в полной мере обеспечить стабильность и устойчивость мировой системы. Представлены факторы усиления политической идентичности локальных цивилизаций. Идея их противостояния связана с экспансией Запада, которая приобрела беспрецедентный характер. Доказано, что стратегии перехода к различным вариантам развития международных отношений работают на многих полях, однако геополитические факторы являются основным ресурсом, определяющим те или иные стабилизаторы картины мира. Показано, что наряду с традиционными субъектами мировой политики (государствами-нациями), возрастающее значение приобретают цивилизационно-культурные образования, обладающие институционализированной идентичностью, идеологическими установками и нетрадиционные акторы, включая транснациональные корпорации, субнациональные и кросс-культурные сообщества, чья активность в значительной степени обусловлена историко-культурными традициями, религиозными системами и цивилизационными кодами.

Ключевые слова: международные отношения, геополитика, идеология, глобализация, конфликт цивилизаций.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

MODERN STRUCTURE OF INTERNATIONAL RELATIONS: A COMPARATIVE ANALYSIS OF POLARITY CONCEPTS

Emir N. Tuzhba, Tatiana N. Chunikhina

Kuban State Technological University

Abstract. The article examines the main approaches and ideas to the analysis of the modern system of international relations. It is revealed that none of them is able to fully ensure the stability and sustainability of the world system. The factors of strengthening the political identity of local civilizations are presented. The idea of their confrontation is associated with the expansion of the West, which has acquired an unprecedented character. It is proven that the strategies of transition to various options for the development of international relations work in many fields, but geopolitical factors are the main resource that determines certain stabilizers of the world picture. It is shown that along with traditional subjects of world politics (nation-states), civilizational and cultural formations with an institutionalized identity, ideological attitudes and non-traditional actors, including transnational corporations, subnational and cross-cultural communities, whose activity is largely conditioned by historical and cultural traditions, religious systems and civilizational codes, are acquiring increasing importance.

Keywords: international relations, geopolitics, ideology, globalization, conflict of civilizations.

Funding: Independent work.

Введение.

Анализ структуры современной системы международных отношений требует привлечения различных теоретико-методологических подходов, среди которых основными являются три модели - однополярная, биполярная и многополярная. Каждая из них отражает определенное представление о распределении глобальной власти и механизмах взаимодействия между ключевыми акторами мировой политики.

Обсуждение. Результаты.

Однополярная модель основывается на предположении о завершении эпохи глобальных конфликтов и формировании устойчивого мирового порядка, центр которого - Соединенные Штаты Америки, представляющие, в более широком контексте, западную цивилизацию. В рамках данной парадигмы, ценности западной культуры и либеральной демократии интерпретируются как универсальные, претендующие на нормативную гегемонию. В то же время, альтернативные куль-

турные и политические системы маргинализируются, рассматриваются как архаичные или подлежащие ассимиляции.

Подобная установка получила обоснование в концепции «конца истории» Ф. Фукуямы, согласно которой либеральная демократия выступает в качестве финальной стадии идеологической эволюции человечества.

Дж. Най, развивая идеи «мягкой силы», подчеркивает, что наличие глобального лидера необходимо для поддержания стабильности в условиях возрастающей взаимозависимости государств [1, с. 239].

З. Бжезинский, анализируя феномен американского лидерства, выделяет его факторы: глобальное военное присутствие, экономическая мощь, технологическое и культурное влияние. Однако он же указывает на ограниченность устойчивости однополярности и допускает, что США могут остаться единственной в истории сверхдержавой [2].

Западные элиты стремятся институционализировать глобальное доминирование через НАТО и экспорт западной модели. Такие взгляды отражают идеологические установки западной политической элиты, стремящейся институционально закрепить глобальное доминирование посредством таких структур, как НАТО, а также путем экспансии западной цивилизационной модели.

Критики однополярности указывают на ограниченность ресурсного и институционального потенциала США, а также внутреннюю амбивалентность американского общества по поводу роли гегемона. Современные международные отношения, по сути, полицентричны, что делает универалистскую модель неадекватной.

Биполярная модель, характерная для «холодной войны», предполагала дуальное мировое устройство (Запад-Восток, Север-Юг), но также критикуется за упрощение. Г. Хан сравнивает биполярность с движением двух машин навстречу без попытки изменить курс, что чревато катастрофой.

Многополярная модель ориентируется на признание существования нескольких центров силы. Актеры стремятся к расширению влияния и безопасности, выступая против универалистского подхода США. При этом модель может быть нестабильной из-за постоянной конкуренции держав. Переход к многополярности сопровождается ростом культурного самосознания, укреплением идентичностей, выходящих за рамки либерального универсализма.

Таким образом, современная мировая система демонстрирует эволюцию от биполярности к однополярности, а затем - к многополярной конфигурации. Этот переход сопровождается ростом политического самосознания локальных культурных сообществ, чья идентичность формируется на основе уникальных исторических, религиозных и культурных кодов, выходящих за рамки идеологических конструкций конца XX - начала XXI века.

США продвигают универалистскую повестку, сочетая ее с экономическим и политическим давлением. Права человека используются как инструмент внешнего влияния в американской интерпретации. Под лозунгами свободной торговли отстаиваются интересы транснациональных корпораций, а военные интервенции, как в Ираке, осуществляются в обход международного права ради стратегических целей.

Оппоненты однополярности подвергаются маргинализации: их называют «государствами-изгоями», что сопровождается санкциями, исключением из глобальных институтов и военным давлением. Такая стратегия определяется как «демонстративная гегемония», вызывающая рост антизападных настроений и усиливающее культурно-цивилизационные конфликты.

В современной международной повестке прослеживается устойчивая тенденция к маргинализации государств, противостоящих американской гегемонии, через их символическое обозначение как «государств-изгоев». Такая практика способствует их вытеснению на периферию глобальных институтов и порождает критику даже внутри самих Соединенных Штатов. Тем не менее, американские политические элиты продолжают придерживаться курса, который в научной литературе получил определение как политика «демонстративной гегемонии».

Геополитическая экспансия Запада, и особенно США, достигла беспрецедентных масштабов, что вызвало рост антизападных настроений в странах, относящихся к незападным цивилизациям. Подобная практика воспринимается многими акторами как индикатор нарастающего цивилизационного конфликта, порожденного глобализационными процессами и усилившегося вследствие обострения противоречий между различными культурно-цивилизационными моделями.

Процессы глобализации интерпретируются как попытка универсализации, ориентированной на стандартизацию политико-экономических институтов и культурных норм, что нередко

приводит к нивелированию локальных идентичностей. Сопротивление со стороны незападных обществ, стремящихся к сохранению собственных культурных и ценностных оснований, становится фактором, затрудняющим реализацию универсалистского проекта. В этом контексте, культурно-ценностный конфликт рассматривается рядом исследователей, включая С. Хантингтона, как ядро предполагаемого «столкновения цивилизаций» [3].

Однако подобная концептуализация не является единственной. Альтернативные подходы акцентируют внимание на структурных и системных аспектах современной глобальной напряженности.

Так, В.М. Межуев утверждает, что источники большинства современных конфликтов следует искать не в ценностных расхождениях, а в социально-экономических противоречиях, встроенных в мировую экономическую систему. В частности, он интерпретирует войну в Ираке как проявление конфликта между центром капиталистической системы и её периферией, борющейся за контроль над стратегическими ресурсами. С этой точки зрения, исламский радикализм предстает не как продукт межцивилизационного антагонизма, а как форма сопротивления доминирующему глобальному порядку [4].

Сходной позиции придерживается В.А. Авксентьев, подчёркивающий, что в условиях глобализации эскалация конфликтов обусловлена, прежде всего, асимметрией в распределении ресурсов и власти. В краткосрочной перспективе, доминируют реалистические факторы (борьба за ресурсы и интересы), тогда как аксиологический компонент (ценности) может приобретать большее значение в долгосрочной перспективе, что делает анализ многомерным и динамически изменяющимся [5].

Современное геополитическое пространство может быть интерпретировано как арена противоборства двух макромоделей глобального устройства: монополярной, ориентированной на сохранение гегемонии США и распространение западноевропейских ценностей, и многополярной, продвигаемой такими акторами, как Китай, Россия, Индия, страны Латинской Америки, Африки и исламского мира. Последняя направлена на институционализацию полицивилизационного диалога, базирующегося на признании культурного и ценностного многообразия.

Тем не менее, и многополярная модель внутренне противоречива. Ее устойчивость воз-

можно обеспечить лишь при наличии относительного баланса между глобальными центрами силы. Учитывая исторически подтвержденный закон неравномерного развития, нельзя исключать возможность появления новых гегемонов, стремящихся к ревизии существующего порядка и перераспределению сфер влияния.

Исторический опыт свидетельствует о том, что все универсалистские проекты глобального масштаба, включая современные, обладают ограниченной стабильностью и временным характером.

В дополнение к традиционно выделяемым в научной литературе однополярной, биполярной и многополярной моделям глобального миропорядка, в теоретическом дискурсе актуализируется также утопическая модель глобальной безопасности. Данная модель предполагает институционализацию механизмов обеспечения международной безопасности на планетарном уровне при участии всего спектра акторов мирового сообщества.

В рамках этого подхода выделяются два возможных сценария институционального оформления:

первый - формирование глобального гражданского общества, основанного на консенсусе относительно универсального набора ценностей и централизованного управления;

второй - эволюционное развитие существующих международных институтов при ключевой роли Организации Объединённых Наций как системообразующего субъекта обеспечения глобальной безопасности.

Указанная модель подвергается критике за отсутствие четко институционализированных механизмов как ее становления, так и функционирования.

Альтернативное представление о характере современного миропорядка предлагает Э.Н. Баталов, вводящий концепт «бесполюсного мира». В его интерпретации, под «полюсами» понимаются не только геополитические центры силы, но и культурно-цивилизационные, экономические и идеологические кластеры, обладающие различными, а зачастую - противоположными ценностными основаниями. Эти квазиполярные образования функционируют в режиме динамического равновесия, их взаимодействие описывается с использованием метафоры «притяжения и отталкивания», что позволяет интерпретировать сохранение стабильности международной системы [6].

Согласно Баталову, исчезновение одного из подобных полюсов дестабилизирует всю архитектуру глобального порядка. При этом он выражает сомнение в реализуемости многополярной модели, утверждая, что подлинная полярность возможна только в условиях бинарного противостояния двух соизмеримых центров силы, тогда как бесполюсное состояние носит временный характер и сопряжено с высокой степенью турбулентности.

А.Г. Яковлев, в свою очередь, предлагает концепцию сложноорганизованной новой биполярности, в рамках которой глобальная система характеризуется разделением на консолидированный «Запад» и фрагментированный, слабо интегрированный, но, в определённой степени, автономный «незападный» мир. Ключевыми акторами последнего рассматриваются государства с возрастающим международным весом — Китай, Россия и Индия, — несмотря на отсутствие между ними идеологической или стратегической целостности [7].

Критике однополярной парадигмы посвящены работы В.Б. Тихомировой, которая указывает на бинарную природу полярности как таковой, утверждая, что даже в физико-географическом измерении существует лишь два полюса, что метафорически подтверждает дуалистическую логику мироустройства. В этой связи, она интерпретирует международную социальную систему как принципиально биполярную по своей структурной организации [8].

Н.А. Косолапов, не отвергая саму возможность биполярной модели, характеризует современную систему международных отношений как «постсоветскую» и пребывающую на ранней стадии авторитарной институционализации. Центральным элементом этой конфигурации он считает доминирование западного политико-правового и институционального влияния. Усиление роли НАТО, по его мнению, служит индикатором стремления США к наднациональному контролю и подчинению международно-правовых механизмов, включая Совбез ООН, логике собственного геополитического интереса. Косолапов подчёркивает необходимость трансформации текущей модели — от бинарной структуры «центр — периферия» к многоуровневой и многомерной архитектуре, более адекватно отражающей реалии глобализации [9].

В.Л. Цымбурский, опираясь на критическую геополитику, предлагает делить мир на автономные регионы и анализировать соотношение

сил в каждом. Он отмечает, что современная мировая система отклоняется от классических моделей, включая существование двух несинхронных и неинтегрированных структур мощи — военно-политической и экономической — в Северном полушарии [10].

Во внешнеполитическом дискурсе России конца XX — начала XXI века можно выделить несколько идеологических направлений. Представители прозападной ориентации, преобладавшие в 1990-е годы, выступали за интеграцию в европейскую архитектуру безопасности, апеллируя к демократическим и экономическим моделям западных государств и подчеркивая принадлежность России к западно-христианской цивилизации.

В противовес данной позиции сформировалось направление, отрицающее культурно-историческую преемственность с Западом. Его сторонники, включая Е.М. Примакова, продвигают идею многополярного миропорядка и утверждают необходимость геополитической автономии России. В рамках этой парадигмы, подчеркивается важность реализации внешнеполитического курса, опирающегося на национальные интересы, без идеологической ориентации на Запад или Восток.

В рамках современных геополитических исследований, К.С. Гаджиев предлагает расширенное понимание концепта «геополитического пространства», предполагающее его многомерный анализ, охватывающий не только территориальные, но также культурно-цивилизационные, экономические и информационные параметры [11, с. 41–42]. Согласно его позиции, Россия, занимая центральное положение в евразийском регионе, не соотносится напрямую ни с западной, ни с восточной цивилизационной парадигмой. Евразийское пространство в данной интерпретации предстает как суверенная культурно-политическая конструкция, обладающая собственной историко-культурной траекторией и геоэкономической логикой.

В этом контексте, приоритетной задачей внешнеполитической стратегии России выступает институциональное закрепление роли государства в качестве транспортно-экономического медиатора между Европой и Азией, а также как стабилизирующего субъекта в межкультурных коммуникациях.

Альтернативные подходы, акцентирующие внимание на постсоветском пространстве как на арене восстановления геополитического присутствия России, получают развитие в рамках

условно обозначаемого «третьего направления». Представители данной школы отрицают легитимность распада СССР, интерпретируя его как историческую аномалию, и артикулируют идею возрождения России в статусе «великой державы» через реполитизацию ее духовно-культурной миссии. Международные отношения в данном дискурсе репрезентируются сквозь призму цивилизационного дуализма, базирующегося на оппозиции морских и континентальных держав.

Так, Г.Г. Почепцов подчеркивает значимость географического детерминизма в формировании классических геополитических концепций, в которых институциональные конфигурации власти соотносятся с пространственно-географическими характеристиками. Он указывает на различия между «цивилизацией суши», ориентированной на внутреннее управление, и «цивилизацией моря», склонной к экспансии универсалистских ценностей. Данная бинарность, по мнению автора, получает отражение в трансформации религиозной идентичности на Западе и устойчивости религиозного ядра российской цивилизации, воплощённого в православии [12, С. 155].

А.Г. Дугин, развивая идеи геополитического евразийства, акцентирует внимание на уникальности и самодостаточности российского геопространства, обосновывая тезис о цивилизационной исключительности России. В его трактовке, отказ от стратегии «собираания империи» интерпретируется как утрата субъектности, а навязываемый Западом статус «региональной державы» – как механизм десуверенизации. С этой позиции, удержание геополитического лидерства в евразийском макрорегионе рассматривается как императив, необходимый для предотвращения трансферта континентальной миссии к иным глобальным акторам [13, с. 172].

Параллельные идеи развивает А.С. Панарин, рассматривающий «Евразийский проект» как стратегию постсоветской реинтеграции, сопряжённую с восстановлением духовно-нравственных оснований национального единства. В его аналитической модели современная международная система описывается как поляризованная и иерархически асимметричная, где доминирует однополярная структура с гегемонистскими претензиями США, реализуемыми через экспансию нормативного контроля под предлогом обеспечения безопасности [14, с. 66].

В аналогичном ключе, С.Н. Бабурин формулирует концепцию «русского пути», предполагающую отказ от прозападной модели реформи-

рования и усиление государственного вмешательства в экономику. В его видении перспектив российской геополитики, доминирует идея добровольной реинтеграции постсоветского пространства, придавая приоритетное значение развитию союзнических форматов сотрудничества с бывшими республиками СССР и иными стратегически значимыми направлениями внешней политики [15, с. 17].

Особую нишу в геополитическом дискурсе занимают популистские интерпретации, сочетающие элементы этноцентризма, традиционного евразийства и символической геополитики. Политические фигуры, такие как В.В. Жириновский и Г.А. Зюганов, используют элементы данной риторики в рамках электоральной мобилизации. Жириновский, в частности, эклектично соединяет концепты цивилизационного конфликта С. Хантингтона с идеями глобального противостояния между Севером и Югом, артикулируя имперскую модель внешнеполитической динамики, ориентированную на милитаризацию, территориальную экспансию и авторитарное управление [16].

Заключение.

В основании современных внешнеполитических стратегий по-прежнему лежит классическая геополитическая парадигма, акцентирующая определяющее значение контроля над пространством. Международное взаимодействие осуществляется в логике баланса сил, в которой ведущие державы структурируют основные направления глобальной динамики, в то время, как малые государства и этнополитические сообщества оказываются подвержены влиянию макро - исторических и структурных трансформаций. Наряду с традиционными субъектами мировой политики (государствами-нациями), возрастающее значение приобретают цивилизационно-культурные образования, обладающие институционализированной идентичностью, идеологическими установками и нетрадиционные акторы, включая транснациональные корпорации, субнациональные и кросс-культурные сообщества, чья активность в значительной степени обусловлена историко-культурными традициями, религиозными системами и цивилизационными кодами.

Будущая конфигурация глобальной безопасности будет определяться не только параметрами военно-политического взаимодействия ведущих держав, но и степенью институциональной включенности различных акторов в формирование новых моделей глобального порядка.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан.	None declared.
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1991.
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 2010. 256 с.
3. Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. London., Touchstone Books, 1998.
4. Межуев В.М. Диалог между цивилизациями как философская проблема // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. № 1. 2004. С. 34-43.
5. Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа // Отв. ред. акад. Г.Г.Матишков, В.А.Авксентьев. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. 384 с.
6. Баталов Э.Я. Новая эпоха – новый мир // Свободная мысль. № 1. 2001. С. 4-13.
7. Яковлев А.Г. И все же на горизонте двухполюсный мир // Проблемы Дальнего Востока. № 4. 2000. С. 29-41.
8. Арин О.А. Мир без России. М.: Изд-во Эксмо, 2002. 480 с.
9. Косолапов А.Н. Контуры нового миропорядка // Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия. М., 1999.
10. Цимбурский В.Л. Геополитика для евразийства Атлантиды // Pro et Contra. Т.4. №4. 1999.
11. Гаджиев К.С. Введение в геополитику. Учебник. М.: Логос, 2000. 257 с.
12. Почепцов Г.Г. Стратегический анализ. Киев, 2004. 333 с.
13. Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. М.: Арктогея-центр, 1999. 928 с.
14. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003. 560 с.
15. Россия и Европа: нации в эпоху глобализации // Под ред. В.В. Афанасьева. М.: МГПУ, 2006. 188 с.
16. Жириновский В.В. Последний бросок на Юг. М.: ЛДПР, 2007. 48 с.

References:

1. Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1991.
2. Brzezinski Z. The Grand Chessboard. American Dominance and Its Geostrategic Imperatives. Moscow, 2010. 256 p.
3. Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. London., Touchstone Books, 1998.
4. Mezhev V.M. Dialogue between civilizations as a philosophical problem // Bulletin of the Moscow State Unisity of Culture and Arts. No. 1. 2004. P. 34-43.
5. Regional conflicts and security issues in the North Caucasus // Ed. by academician G.G. Matishkov, V.A. Avksentyev. Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2008. 384 p.
6. Batalov E.Ya. New Era – New World // Free Thou. No. 1. 2001. Pp. 4-13.
7. Yakovlev A.G. And Yet a Bipolar World Is on the Horizon // Problems of the Far East. No. 4. 2000. Pp. 29-41.
8. Arin O.A. World without Russia. Moscow: Publishing House Eksmo, 2002. 480 p.
9. Kosolapov A.N. Contours of the New World Order // Post-industrial World: Center, Periphery, Russia. Collection 1. General Problems of the Post-Industrial Era. Moscow, 1999.
10. Tsimbursky V.L. Geopolitics for the Eurasianism of Atlantis // Pro et Contra. Vol.4. No.4. 1999.
11. Gadzhiev K.S. Introduction to Geopolitics. Textbook. Moscow: Logos, 2000. 257 p.
12. Pocheptsov G.G. Strategic Analysis. Kyiv, 2004. 333 p.
13. Dugin A.G. Fundamentals of Geopolitics. Russia's Geopolitical Future. Thinking with Space. Moscow: Arktogeya-Center, 1999. 928 p.
14. Panarin A.S. Strategic Instability in the 21st Century. Moscow: Algorithm, 2003. 560 p.
15. Russia and Europe: Nations in the Era of Globalization // Ed. by V.V. Afanasyev. M.: MGPU, 2006. 188 p.
16. Zhirinovskiy V.V. The Last Throw to the South. M.: LDPR, 2007. 48 p.

Информация об авторах:

Тужба Эмир Нодариевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет», emirtu@yandex.ru

Чунихина Татьяна Николаевна, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет», tanithbook77@mail.ru

Emir N. Tuzhba, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Sociology, Law and Human Resources, Kuban State Technological University, emirtu@yandex.ru

Tatiana N. Chunikhina, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology, Law and Human Resources, Kuban State Technological University

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 22.05.2025;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 12.06.2025;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.06.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.